

Поль Мари Верлен

Стихотворения

Поль Верлен
Стихотворения

«Public Domain»

1889

Верлен П. М.

Стихотворения / П. М. Верлен — «Public Domain», 1889

«Подруги юности и молодых желаний! Лазурь лучистых глаз и золото волос!
Объятий аромат, благоуханье косИ дерзость робкая пылающих лобзаний!..»

© Верлен П. М., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

Обет	5
Парижские кроки	6
Марина	7
Осенняя песня	8
Благословенный час	9
Георгин	10
В тиши	11
«Ах! пока, звезда денницы...»	12
«Так это будет в летний день. В тот час...»	13
«Один, дорогою проклятой...»	14
«Это – экстаз утомленности...»	15
«Целует клавиши прелестная рука...»	16
«По тоске безмерной...»	17
«Деревьев тень в воде, под сумраком седым...»	18
Простая фреска	19
Зелень	20
«На улице, в оправе тесной...»	21
«Что скажешь, путник, ты про страны и вокзалы?..»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Поль Мари Верлен

Стихотворения

Обет

Подруги юности и молодых желаний!
Лазурь лучистых глаз и золото волос!
Объятий аромат, благоуханье кос
И дерзость робкая пылающих лобзаний!

Но где же эти дни беспечных ликований,
Дни искренней любви? Увы, осенних гроз
Они не вынесли, – и вот царит мороз
Тоски, усталости и нет очарований.

Теперь я одинок, угрюм и одинок.
Так старец без надежд свой доживает срок,
Сестрой покинутый, так сирота тоскует.

О женщина, с душой и льстивой и простой,
Кого не удивишь ничем и кто порой,
Как мать, с улыбкою вас тихо в лоб целует!

Парижские кроки

Луна на стены налагала пятна
Углом тупым.
Как цифра пять, согнутая обратно,
Вставал над острой крышей черный дым.

Томился ветер, словно стон фагота.
Был небосвод
Бесцветно-сер. На крыше звал кого-то,
Мяуча жалобно, иззябший кот.

А я, – я шел, мечтая о Платоне,
В вечерний час,
О Саламине и о Марафоне...
И синим трепетом мигал мне газ.

Марина

Океан сурово
Бьет глухой волной
Под немой луной, –
Бьет волною снова.

В бурях небесах,
Злобный и могучий,
Разрезает тучи
Молнии зигзаг,

Каждая волна,
В буйстве одичалом,
Бьет по острым скалам,
Рвет, встает со дна.

Машет в отдаленье
Ураган крылом,
И грохочет гром
В грозном исступленьи.

Осенняя песня

Долгие пени
Скрипки осенней
Зов неотвязный,
Сердце мне ранят,
Думы туманят,
Однообразно.

Сплю, холодею,
Вздрыгнув, бледнею
С боем полночи.
Вспомнится что-то.
Все без отчета
Выплачут очи.

Выйду я в поле.
Ветер на воле
Мечется, смелый.
Схватит он, бросит,
Словно уносит
Лист пожелтелый.

Благословенный час

Луна ала на темных небесах;
Качается туман; луг холодеет
И спит в дыму; в зеленых тростниках
Лягушка квакает; прохлада реет.

Закрылись чаши лилий водяных;
Ряд тополей в немой дали туманен,
Прямых и стройных, – призраков ночных;
Блеск светляков, над ивняками, странен.

Проснулись совы; то вперед, то прочь,
На тяжких крыльях, лет бесшумный, мерный
Свершают; у зенита свет неверный,
И, белая, Венера всходит: ночь!

Георгин

Владычица толпы, чьи взоры с поволокой
Обходят медленно свой круг, как у вола;
Твой полный стан блестит, как твердая скала.

Ты – пышный, сочный цвет, не пахнувший, высокий,
И тела твоего проникнуты черты
Непогрешимостью спокойной красоты.

Пусть тела запахом другие нас пленят!
Где ты, там никакой не веет аромат.
Ты царствуешь, Кумир, не слыша фимиама.

Так георгин, – король, одетый в багрянец, –
Среди жасминных куп вздымает свой венец,
Благоуханий чужд, без гордости, но прямо.

Приходит ночь. Сова летит. Вот час, когда
Припоминается старинное преданье.
В лесу, внизу, звучит чуть слышное журчанье
Ручья, как тихий шум злодейского гнезда.

В тиши

Там, где сумрак словно дым,
Под навесом из ветвей, –
Мы молчаньем упоим
Глубину любви своей.

Наши души и сердца,
И волненье наших снов
Мы наполним до конца
Миром сосен и кустов.

Ты смежишь глаза в тени,
Руки сложишь на груди...
Все забудь, все отгони,
Что манило впереди.

Пусть нас нежно убедит
Легкий ветер, что порой,
Пролетая, шелестит
Порыжелою травой.

И когда с дубов немых
Вечер, строго, ниспадет,
Голос всех скорбей земных –
Соловей нам запоет.

«Ах! пока, звезда денницы...»

Ах! пока, звезда денницы,
В спет дневной ты не ушла
(Из пшеницы,
Чу! кричат перепела),

Обрати свой взор к поэту,
Посмотри в мои глаза
(Мчатся к свету
Жаворонки в небеса)!

Поспеши: твое сиянье
Быстро меркнет в синеве
(Стрекотанье,
Шум ликующий в траве!). –

И, прочтя, чем думы полны.
Разгадав все тайны грез
(Словно волны,
С ветром зыблется овес), –

Прошепчи о всем нежнее
Там, где милой снится сон
(О скорее!
Вот уж вспыхнул небосклон!).

«Так это будет в летний день. В тот час...»

Так это будет в летний день. В тот час
Горящий полдень, радуясь со мною,
Меж шелка и атласа с кисеей,
Еще прекрасней мне покажет вас.

И синий небосвод, как ткань в палатках,
Над нами, побледневшими тогда
От счастья, ожидания и стыда,
Вдруг задрожит в роскошных, длинных складках.

Настанет вечер; всех маня ко сну,
Коснется ветер свадебной вуали,
И звезд приветный взор из темной дали
Поздравит тихо мужа и жену.

«Один, дорогою проклятой...»

Один, дорогою проклятой,
Я шел, не ведая куда...
Теперь твой облик – мой вожатый!

Рассвета вестница, звезда,
Едва заметная, белела...
Зарю зажгла ты навсегда!

Мой только шаг в равнине целой
Звучал, и даль пуста была...
Ты мне сказала: «Дальше, смело!»

Я изнывал под гнетом зла
Душой пугливой, сердцем темным...
Любовь предстала и слила

Нас в счастье страшном и огромном!

«Это – экстаз утомленности...»

*Le vent dans la plaine
Suspend son haleine*

Favart¹

Это – экстаз утомленности,
Это – истома влюбленности,
Это – дрожанье лесов,
Ветра под ласкою млеющих,
Это – меж веток сереющих
Маленький хор голосов.

Свежие, нежные трепеты!
Шепоты, щебеты, лепеты!
Кажется: травы в тиши
Ропщут со стоном томительным,
Или в потоке стремительном
Глухо стучат гольши.

Чьи же сердца утомленные
Вылились в жалобы сонные?
Это ведь наши с тобой?

Это ведь мы с тобой, милая,
Тихие речи, унылые
Шепчем в равнине ночной?

¹ Ветер на равнине задерживает свое дыхание. Фавар (фр.)

«Целует клавиши прелестная рука...»

Целует клавиши прелестная рука;
И в сером сумраке, немного розоватом,
Они блестят; напев, на крыльях мотылька
(О, песня милая, любимая когда-то!),
Плывет застенчиво, испуганно слегка. –
И все полно ее пьянящим ароматом,
И вот я чувствую, как будто колыбель
Баюкает мой дух, усталый и скорбящий.
Что хочешь от меня, ты, песни нежный хмель»
И ты, ее припев, неясный и манящий
Ты, замирающий, как дальняя свирель,
В окне, растворенном на сад вечерний, спящий?

«По тоске безмерной...»

По тоске безмерной,
По равнине снежной,
Что блестит неверно,
Как песок прибрежный?

Нет на тверди медной
Ни мерцанья света,
Месяц глянул где-то
И исчез бесследно.

Как сквозь дым летучий,
На краю равнины
Видятся вершины
Бора, словно тучи.

Нет на тверди медной
Ни мерцанья света.
Месяц глянул где-то
И исчез бесследно.

Чу! кричат вороны!
Воет волк голодный,
Здесь в степи холодной
Властелин законный!

По тоске безмерной,
По равнине снежной,
Что блестит неверно,
Как песок прибрежный?

«Деревьев тень в воде, под сумраком седым...»

Деревьев тень в воде, под сумраком седым,
Расходится как дым.
Тогда как в высоте, с действительных ветвей,
Рыдает соловей.

И путник, заглянув к деревьям бледным, – там
Бледнеет странно сам,
А утонувшие надежды и мечты
Рыдают с высоты.

Простая фреска

Зеленовато-красны
Холмы и склоны эти
В вечернем полусвете
Все контуры неясны

Вот золото стремнины
Все более багритя,
На вазе без вершины
Чуть слышно свищет птица

Осенний день тускнеет,
Мечты мои бессвязны,
И грусть мою лелеет
Напев однообразный

Зелень

Вот ранние плоды, вот веточки с цветами,
И сердце вот мое, что бьется лишь для вас.
Не рвите же его лилейными руками,
Склоните на меня сиянье кротких глаз.

Я прихожу, еще обрызганный росой,
Что ветер утренний оледенил на лбу.
Простите, что опять я предаюсь покою
У ваших ног, в мечтах благодаря судьбу.

Еще звенящую последним поцелуем,
Я голову свою вам уроню на грудь.
Пусть буря замолчит, которой я волнуем,
А вы, закрыв глаза, позвольте мне уснуть!

«На улице, в оправе тесной...»

На улице, в оправе тесной,
Река, возникшая чудесно
За пятифутовой стеной!
В предместье мирном, ты небыстро,
Без шума протекаешь – чистой,
Но непрозрачную струей.

Шоссе широко, и, безмолвны,
Желты, как мертвый облик, волны
Один туман лишь отразят,
В тот даже час, когда, вставая,
Заря сияет, зажигая
Коттеджей черно-желтый ряд.

«Что скажешь, путник, ты про страны и вокзалы?..»

– Что скажешь, путник, ты про страны и вокзалы?
Собрал ли скуку ты (она давно зрела),
Плохой сигары дым пускающий, усталый,
Ты, чья нелепо тень на стену налегла?

Ах, после всех дорог, твой взор все так же мрачен,
Твоя усмешка та ж, та ж грусть в лице твоём:
Так месяц, между мачт, по-прежнему прозрачен,
Так море старое все то же, с новым днем.

Так кладбище все то ж, хотя могилы новы!
Но расскажи нам то, что видно и без слов:
Разочарованность твоей души; суровый
И горький приговор мечтам былых годов!

И ужас не забудь дней, сердце истомивших:
Зла – всюду, и Уродств – везде, на всех путях;
Политики позор и стыд Любви, заливших
Потоками чернил кровь на своих руках.

И не забудь себя: как груз своих бессилий,
Всей слабости своей, всей простоты своей
Ты влек на поле битв, где бились, где любили,
Безумней – что ни день, и что ни день – грустней!

Вполне ль наказан ты за глупую наивность?
Что скажешь? – Люди злы. – А женщины? О, кто ж
Пил влагу слез твоих? С кем знал ты неразрывность
Судьбы? И ласка чья не оказалась ложь?

Как ты доверчив был! как грубой лести верил!
Ты помнишь ли, как ты мечтал когда-то сам
О смерти сладостной? – Теперь ты скорбь измерил.
О, ангел, падший ниц, конец твоим мечтам!

Куда ж теперь пойдешь? скажи о новых планах?
Иль, столько плакавши, ты весь душой размяк?
По твердости коры мы судим о каштанах,
А как уныл твой вид, как твой неверен шаг!

Так чем же будешь ты? идилликом усталым,
На небо глупое глядящим сквозь окно
Глазами демона и взором одичалым?
Не значит ли – совсем упасть на дно?

Довольно ли с тебя такой простой развязки
Романа? Кто другой (смышленной, может быть),
За скрипки заплатив, хотел бы видеть пляски
И не боялся бы прохожих раздражить.

Поройся в уголках своей души. Нельзя ли
Оттуда выхватить блистательный порок,
Красивый, дерзостный, как саблю доброй стали,
И в небо устремить блистающий клинок?

Быть может, не один, а несколько? Отлично!
Иди же на войну и без разбора всех
Рази! личиной скрыв беспечности приличной
Неутоленный гнев и безнадежный смех!

Не надо быть глупцом в сей жизни пустозвонной,
Где в счастье ничего пленительного нет
Без грез порочности, немного извращенной!
И злом за зло платить, – да будет твой завет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.